

Всему в этом мире обозначен предел существования, горы выветриваются временем... Иссох, исчах бранным телом и любезный нашему сердцу Ходжа Насреддин, но жив дух его, пока обращаемся мы к сокровенному, напоённому мудростью слову о нём. Было это так, как говорят сказители, или иначе, или вовсе не было, один Аллах тому свидетель. Сколько дней в лунном месяце, столько народов, населяющих Ближний Восток, мусульманскую Среднюю Азию, Китай, Закавказье и Балканы, считают Насреддина своим знаменитым и почитаемым соотечественником. В притчах, анекдотах и сказках этих народов образ Ходжи переливается, рассыпается на части и вновь собирается, словно ртуть. То он простофиля, то хитрец, то мудрец. Порой он выдавал себя за лекаря, порой за предсказателя, порой за звездочёта и даже колдуна. То Насреддин судья, то подсудимый, то проповедник, то безбожник. В одной истории он мог быть советником при дворе эмира, а в другой мог предстать шутом. Мы знаем его как добропорядочного семьянина и как бродягу. Деньги порой ему перепали не малые, но богатства Насреддин не нажил.

Столь разнообразные сведения о Ходже Насреддине складываются в фантастически богатую и предельно насыщенную жизнь незаурядного человека. И в этом качестве Насреддин ведёт непримиримую борьбу с обыденностью в суетной душе угнетённого плотью нашего современника.

Леонид Соловьёв – автор повести о Ходже Насреддине, которая, в силу всенародной любви к этому герою, неоднократно переиздавалась на русском языке и в переводах, экранизировалась и ставилась на театральной сцене, обеспечив своему создателю почётное место в литературе. Писатель на основе многочисленных коротких историй из жизни легендарного народного героя создал произведение, в котором избежал частые для этой литературной формы недостатки – повторы, скучные описания и вялость действия, сохранив при этом восточную эффектную выразительность и наличие в тексте нескольких смысловых слоёв. В эзоповских уловках Насреддина угадывается суфийская иносказательность. Той же суггестивностью обладают выполненные алтайским художником Алексеем Дмитриевым иллюстрации к этой книге.

Если мы спросим Алексея о его творческом пути, то сложится впечатление, что тема эта возникла не случайно, а художник шёл к ней всю жизнь, или мистически настроенный собеседник сказал бы, что «чья-то невидимая рука вела его к этому свершению».

Детство и юность Алексея прошли в тех местах, где разворачивается сюжет повести. Но связь его с главным героем не только и не столько географическая, а больше духовная. Здесь в Средней Азии, будучи ещё маленьким мальчиком, он был очарован книгой Л. Соловьёва, никогда с ней не расставался и многократно перечитывал. Алексей рос, мужал, а значит, менялся, и с ним менялась книга, или точнее, менялось её восприятие и понимание. Да простят уважаемые читатели

за высокопарность слога, которую я сейчас себе позволю, только став признанным мастером иллюстрации, Алексей Дмитриев вновь обратился к любимившейся с детства книге, но уже не как читатель, а как художник, чтобы создать этому драгоценному алмазу литературы достойную оправу.

Книга иллюминирована заставками, концовками и полосными иллюстрациями, которые, при их кажущейся графической простоте, рассчитаны на длительное рассматривание и несколько уровней восприятия. Композиционные элементы приобретают в иллюстрациях символическое звучание и создают предвосхищение неявного смысла. Исходя из личного опыта, эстетического развития, способности к пониманию и саморефлексии, для каждого человека степень умножения вызванных художественным образом ассоциаций различная. То есть, художник приглашает зрителя в соавторы, от которого зависит уровень восприятия намёков и внушения иллюстративного ряда в книге.

В полосных иллюстрациях намечены границы изображения, однако персонажам графической истории тесно в заданных макетом книги рамках, и они всё время нарушают пределы отведённого им пространства.

Начало всему – путь. Насреддин изображён верхом на своём ишаке, бредущем по белому безмолвию листа бумаги. В следующей за этой заставкой полосной иллюстрации безмерное пространство, в котором Насреддин выбирает свой путь, наделяется цветом не похожим на дорожную пыль, это цвет воды. Но, может быть, это не вода, а время? Путь проходит не только в пространстве, но и во времени... Время течёт, как вода... Взгляд с иллюстрации переходит на текст с тревожными размышлениями Ходжи Насреддина: «Куда, зачем и откуда течёт эта вода – она не знает и не думает об

этом. Я тоже не знаю ни своего пути, ни отдыха, ни дома. Зачем я пришёл в Бухару? Куда я уйду завтра?»

С этого места в книге мы избавим читателя от наших навязчивых толкований, пожелаем удачи и отправим его в свободную охоту за смыслом.

Множатся дни нашей жизни, и чем длиннее их черед, тем больше мы ценим простые земные радости: чистую воду, тёплый хлеб и мудрую простоту историй о Ходже Насреддине, где текст и иллюстрации сливаются в энциклопедию скрытых суфийских символов. И уже много веков вновь повторяется сюжет одной из притч – Насреддин, вообразив, что он умер, советует нам, несущим его, где переходить реку...

Медленно закрываю увесистый том с обложкой, стилизованной на мотив пёстрого восточного ковра, иллюминированный поэтичными и многозначными иллюстрациями, которые необходимо читать, как и сам многосложный текст книги. Ставлю драгоценный фолиант на полку, прогнувшуюся под тяжестью других полиграфических шедевров в оформлении художника Алексея Дмитриева. Бегло просматриваю названия на добротных корешках книг: Юрий Олеша «Три толстяка», Павел Бажов «Уральские сказы», Иван Крылов «Басни», Льюис Стивенсон «Остров сокровищ», Михаил Булгаков «Собачье сердце», Джонатан Свифт «Путешествия Гулливера», Владимир Обручев «Земля Санникова», Майн Рид «В дебрях Южной Африки», книга вымышленных творений «Алконост, Полкан, Шишига и другие мифологические существа славянского эпоса»... Каждый том – увлекательное путешествие в заповедные места мировой литературы в сопровождении опытного мастера литературного сталкеринга Алексея Константиновича Дмитриева. Но это уже другие истории...